

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXLVIII.

1886.

НОЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1886.

„эновыя“, а не „нашевыя“, „эсовыя“, а не „словесныя“ основы? Чѣмъ „нашевыя“ хуже „уковаго“ и „хѣроваго“, если хороши „однинный“ и „множинный“, и почему уковый и хѣровый удостоились чести попасть въ терминологию г. Брандта, а „нашевыя“ замѣнены „эновыми“, для читателя остается тайной.

Не смотря на указанные недостатки, книга г. Брандта, кромѣ упомянутыхъ въ началѣ этой замѣтки общихъ достоинствъ, представляетъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній и объясненій, которые останутся въ нашей наукѣ. Таковы, напримѣръ, объясненія великорусскихъ о и е на мѣстѣ инославянскихъ ы и и; объясненіе „вставочныхъ“ d и t въ западно-славянской группѣ; весьма вѣроятное предположеніе о произношеніи общесл. ѣ = широкому е, и нѣкоторые другія болѣе мелкія замѣчанія.

С. Буличъ.

Новые матеріалы для исторіи Коканскаго ханства.

ТАРИХИ ШАХРОХИ. ИСТОРІЯ ВЛАДѢТЕЛЕЙ ФЕРГАНЫ. Сочиненіе муллы Ніязи Мухаммедъ бенъ Ашуръ Мухаммедъ, Хокандца. Издана Н. Н. Пантусовымъ. Казань. 1885.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ КОКАНДСКАГО ХАНСТВА. Составилъ В. П. Наливкинъ. Казань. 1886.

Ферганѣ, можно сказать, посчастливилось. Въ прошломъ году Н. Н. Пантусовъ напечаталъ въ Казани текстъ „Тарихи Шахрохи“ (по чтенію издателя: Шахрохіэ), исторію владѣтелей Ферганы, сочиненіе коканца муллы Ніяза Мухаммеда, а въ нынѣшнемъ В. П. Наливкинъ порадовалъ насъ „Краткою исторіею Кокандскаго ханства“, по мѣстнымъ источникамъ составленную.

До послѣдняго времени мы вовсе и не подозрѣвали, что существуетъ довольно обширная туземная литература для исторіи Коканскаго ханства. Г. Пантусовъ не только указалъ на одно подобное произведеніе, но не жалѣя ни трудовъ, ни денежныхъ затратъ на такое изданіе, которое не можетъ окупиться, обнародовалъ обширную лѣтопись на таджикскомъ языкѣ. Послѣ записокъ мирзы Шемса, это самый обширный текстъ, сдѣлавшійся доступнымъ ориенталистамъ. Разница между записками мирзы Шемса и исторіею муллы Ніяза та, что первый, простой торговецъ, писалъ на простонарод-

номъ языкѣ, второй же, какъ мулла, то-есть, человѣкъ въ нѣкоторомъ родѣ ученый и начитанный, не могъ излагать свое повѣствованіе языкомъ народнымъ, а считалъ необходимымъ уснастить свою рѣчь арабскими словами и выраженіями, прибѣгая къ громкимъ фразамъ. Оттого у него можно встрѣтить выраженія: аркони даулетъ, то-есть, „столпы государства“, что вовсе не идетъ къ коканскимъ халатникамъ, и титулъ сахибъ-киранъ, то-есть, „обладатель счастливаго созвѣздія“ въ примѣненіи къ мѣстнымъ правителямъ, людямъ вообще ничтожнымъ, никакими достоинствами не отличавшимся, и другія прелести въ этомъ родѣ. Замѣчательно, что въ Ферганѣ занимались составленіемъ историческихъ записокъ муллы, когда по мѣстнымъ понятіямъ подобное занятіе всего приличнѣе мирзамъ, писарямъ, какъ это водилось въ Бухарѣ и Хивѣ. Въ обоихъ этихъ ханствахъ, да въ послѣднее время и вездѣ въ Средней Азіи муллы пренебрегаютъ „тарихами“, цѣна которыхъ на мѣстныхъ книжныхъ рынкахъ поэтому значительно упала. Въ Ферганѣ было не такъ, и главнымъ виновникомъ подобнаго исключенія является, надо думать, Омаръ ханъ. Его покровительство поэтамъ и щедрое поощреніе ихъ разными должностями способствовало процвѣтанію поэзіи въ коканскомъ ханствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилились литературныя упражненія и всякаго другаго рода. Что же касается до стиховъ на сартовскомъ языкѣ или на таджикскомъ, то они сдѣлались необходимою принадлежностью исторіи ¹⁾. Изложеніе событій, внутреннихъ и внѣшнихъ, одною прозою, безъ поэтическихъ прикрасъ, сдѣлалось невозможнымъ, иначе оно вышло бы не изящнымъ. На сколько исторія выигрываетъ отъ такого приема, это другой вопросъ. Но покровительство сдѣлало свое дѣло: оно вызвало къ жизни народный талантъ, остававшійся до того скрытымъ. Туземные поэты, еще не такъ давно прославлявшіе подвиги своихъ хановъ, въ настоящее время, за неимѣніемъ такого выгоднаго занятія, промышляютъ шантажемъ. Они вымогаютъ у достаточныхъ людей деньги подъ угрозой сочинить на нихъ сатиру.

¹⁾ Въ Коканѣ просилъ я одного сарта, съ которымъ познакомился и сошелся довольно близко, описать мнѣ одно событіе, въ которомъ принималъ онъ дѣятельное участіе, но тотъ ни за что не соглашался это сдѣлать, заявляя, что не въ состояніи исполнить мою просьбу хорошо. „Что вѣрно описано, то и хорошо“—убѣждалъ я его; но оказалось—совсѣмъ не о вѣрности думалъ мой пріятель: онъ жалѣлъ, что не можетъ облакать свой разказъ въ стихотворную форму, а какое же описаніе выйдетъ безъ стиховъ?

Начинается исторія владѣтелей Ферганы съ преданія, по которому коканскіе ханы ведутъ свой родъ отъ Бабура, и далѣе отъ Тимура (Тамерлана). Составить знатную родословную тому или другому счастливому выскочкѣ въ Средней Азіи, при отсутствіи тамъ исторической критики и историческихъ изслѣдованій, очень не трудно, и такія родословныя дѣйствительно сочиняются: самому Тимуру дали въ предки Чингизъ-хана. Подобная лесть въ Средней Азіи имѣетъ большое значеніе и весьма выгодна для льстецовъ.

Это преданіе сообщаетъ слѣдующее: потерпѣвъ окончательно неудачу въ послѣдней битвѣ съ узбеками въ 918 (1512) году, Бабуръ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ въ Фергану, вмѣстѣ съ своею женою, находившеюся въ послѣднемъ періодѣ беременности. Тамъ родился у нихъ сынъ. Вѣглецамъ, однако, было не до сына, они рѣшились бросить его на произволъ судьбы, положивъ у дороги подъ кустомъ и въ видѣ обезпеченія будущности младенца Бабуръ оставилъ при немъ свой кушакъ съ драгоценностями. Ребенокъ не погибъ: узбекіе старшины, случайно проѣзжавшіе около этого мѣста, замѣтили ребенка, взяли на воспитаніе и дали ему имя Алтунъ-бишикъ, „Золотая колыбель“, ради сокровищъ при немъ оказавшихся. Отъ этого Алтунъ-бишика, происхождение котораго вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ его воспитателямъ, и начинается генеалогія коканскихъ хановъ. Это же преданіе находимъ и у г. Наливкина. Если разобратъ этотъ разказъ, то едва ли отъ него что-либо останется. Зачѣмъ Бабуру братъ съ собою въ походъ жену, да еще беременную? Зачѣмъ ему бѣжать въ Фергану, гдѣ утвердились его враги узбеки, когда открытъ былъ прямой путь въ Кабуль или по крайней мѣрѣ къ верховьямъ Зеравшана, откуда не трудно было перебраться въ Хиссаръ?

Изложеніе событій доведено въ этой исторіи до послѣднихъ дней ханствованія Худояра.

Ученая дѣятельность г. Пантусова хорошо извѣстна и оцѣнена уже по достоинству, имя г. Наливкина извѣстно менѣе, такъ какъ онъ помѣщалъ свои статьи (изслѣдованіе о сыпучихъ пескахъ за Коканомъ, замѣтки по вопросу о лѣсномъ хозяйствѣ въ Ферганѣ) преимущественно въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ, газетѣ, заключающей въ себѣ драгоценнѣйшіе матеріалы для изученія Средней Азіи, но къ сожалѣнію, совсѣмъ не распространенной внѣ предѣловъ Туркестанскаго края. Не такъ давно изданный г. Наливкинымъ

сартовско-русскій словарь также мало извѣстенъ¹⁾. Г. Наливкинъ принадлежитъ къ числу весьма немногихъ дѣятелей въ краю, основательно изучившихъ мѣстные языки. По выходѣ изъ артиллерійскаго училища, г. Наливкинъ началъ свою службу въ Ташкентѣ, куда прибылъ какъ разъ передъ хивинскимъ походомъ (1873 года), въ которомъ и принималъ участіе. Вскорѣ затѣмъ былъ перечисленъ изъ строя въ военно-народное управленіе и занялъ должность помощника уѣзднаго начальника въ Наманганѣ, должность довольно видную и хорошо обезпеченную. Но желая изучить бытъ и языкъ туземцевъ, преимущественно киргизовъ, онъ, человѣкъ уже семейный, вышелъ въ отставку и поселился въ одномъ кишлакѣ, приобрѣта въ собственность небольшой участокъ земли. Тамъ жилъ онъ вполне жизнію туземцевъ, близко сошелся какъ съ сартами, такъ и съ узбеками и, по видимому, не желалъ ничего лучшаго, но предполагавшійся походъ, если не ошибаемся—Алайскій, разстроилъ все дѣло. Вытребованный на службу, г. Наливкинъ принужденъ былъ продать свою землю, конечно, за безцѣнокъ, и вернуться въ общество высшей цивилизаціи. Походъ, однако, не состоялся, а устроиться вновь на туземный ладъ г. Наливкину было уже трудно. Но такъ какъ истинныя знанія и способности даромъ не пропадаютъ, то и ему пришлось примѣнить приобретенныя познанія къ дѣлу: въ настоящее время г. Наливкинъ состоитъ преподавателемъ мѣстныхъ нарѣчій въ учительской семинаріи въ Ташкентѣ и въ школѣ, основанной нынѣшнимъ генералъ-губернаторомъ для обученія туземцевъ русскому языку.

Полная возможность для г. Наливкина пользоваться всею туземною литературой и устными разказами, близкое знакомство со странною, исторію которой онъ взялся изложить, все это заставляетъ насъ обратить особенное вниманіе на его трудъ, къ чему мы и приступаемъ.

Г. Наливкинъ перечисляетъ слѣдующія туземныя сочиненія, которыми онъ пользовался: 1) Джаанъ-нама. Исторія Коканскаго ханства. Сочиненіе Аттара муллы Авазъ-Мата, 1283 годъ (1866). Изложеніе событій кончается 1283 годомъ. 2) Мунтахабъ ут-Таварихъ (или иначе Интихабъ-и-Таварихъ). Исторія Бухары и Коканскаго

¹⁾ На дняхъ появился прекрасный трудъ В. П. Наливкина и М. В. Наливкиной: „Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы“, заслуживающій подробной рецензіи.

Ханства. Сочиненіе Хаджи Мухаммеда хакима ханъ тюри, сына Сеида Маасума хана (потомка Хазретъ-и-Махдумъ-Азама), возведеннаго Омаръ-ханомъ въ званіе Шейхъ-уль-ислама. Изложеніе доведено до времени правленія Ширъ Али хана включительно. 3) Шахъ нама (поэма). Исторія Коканскаго ханства до вступленія на престолъ Худояръ-хана включительно, 1292 г. (1875). Сочиненіе Муллы Шамси, поэта пишущаго и по сіе время подъ псевдонимомъ Муллы Шауки. 4) Джангъ-нама (поэма). Исторія кипчакскихъ возстаній при Ширъ-Али и Худояръ-ханѣ 1269 г. (1852). Сочиненіе того же муллы Шамси. 5) Шахъ-и-Джариръ (правильнѣе: Шейхъ Джелиль). Преданіе о завоеваніи арабами сѣверо-западной части Ферганы. Время составленія и имя автора не извѣстны. Всѣ эти сочиненія оказываются для насъ новостью, и за сообщеніе о нихъ мы должны быть весьма признательны г. Наливкину. Жаль только, что г. Наликинъ, которому они, конечно, хорошо извѣстны, ничего не говоритъ о внутреннемъ достоинствѣ этихъ сочиненій и о степени ихъ достовѣрности. Подробное и научное описаніе перечисленныхъ рукописей было бы, по нашему мнѣнію, гораздо важнѣе изложенія коканскихъ событій. Не говоритъ онъ, съ какого времени начинается изложеніе въ нихъ. Нельзя не пожалѣть также, что въ своемъ трудѣ онъ нигдѣ почти не дѣлаетъ ссылокъ на источники. Съ одной стороны, читатель, который можетъ пользоваться и восточными рукописями, будетъ въ затрудненіи произвести провѣрку того или другаго извѣстія, съ другой—для опредѣленія степени достовѣрности приводимаго разказа очень важно знать, изъ какого источника онъ заимствованъ,—вѣдь источникъ источнику рознь. Отсутствіе цитатъ болѣе или менѣе обширныхъ является существеннымъ недостаткомъ книги. Названія сочиненій не переведены на русскій языкъ. Рукописью „Тарихи Шахрохи“ г. Наликинъ, судя по его книгѣ и отсутствію ссылокъ на нее, не пользовался.

Съ первыхъ же словъ г. Наликинъ заявляетъ о полномъ почти отсутствіи, какъ въ русской, такъ равно и въ западно-европейской литературѣ, сочиненій по части новѣйшей исторіи Ферганы. Не совсѣмъ это такъ. Еще въ сороковыхъ годахъ собраны были у насъ, въ Сибири, историческія и при томъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о коканскомъ ханствѣ и напечатаны въ 1849 г. въ Запискахъ Русскаго Географическаго общества. Въ Трудахъ восточнаго отдѣленія Археологическаго общества во II томѣ при нумизматической статьѣ Григорьева сообщены краткія историческія данныя

объ этомъ ханствѣ. Тамъ же помѣщена составленная, на основаніи распросовъ отъ достовѣрныхъ людей, статья В. В. Вельяминова-Зернова „Историческія извѣстія о Коканскомъ ханствѣ отъ Мухаммеда Али до Худояръ-Хана“, то-есть, описано самое интересное время, время сформированія ханства. Къ этой статьѣ приложенъ любопытный дневникъ ростовскаго купца Ключарева, находившагося въ Ташкентѣ по торговымъ дѣламъ въ 1852 году съ февраля по май включительно. Дневникъ этотъ передаетъ такъ живо и просто положеніе ташкентцевъ во время осады города Мусульманъ-куломъ, какъ не дѣлаетъ этого ни одна туземная лѣтопись со всѣми ея ширями въ видѣ рубан, месневи и прочю стихотворною дребеденью. Въ Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества 1856 года кн. V помѣщена другая статья г. Вельяминова-Зернова: „Свѣдѣнія о Коканскомъ ханствѣ“. О событіяхъ въ Коканѣ находимъ указанія и у мирзы Шемса. Въ 1863 г. Григорьевъ въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества опять напечаталъ статью подъ заглавіемъ: „Еще о коканскихъ монетахъ и событіяхъ“. Отрывочныя свѣдѣнія можно найти у русскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ ханство и пребывавшихъ тамъ по разнымъ случаямъ или находившихся въ плѣну у коканцевъ (Ф. Ефремовъ въ 1780 г., Бурнашевъ и Пospѣловъ въ 1800 г., Назаровъ 1813 г., хорунжій Потанинъ 1830 г., плѣнные Милюшинъ и Батарышкинъ 1849—1852 гг.). Для исторіи болѣе новаго времени могутъ служить статьи въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ (напримѣръ, 1872 г. № 35). Положеніе же ханства въ послѣдніе годы ханствованія Худояра наглядно представлено въ статьѣ кн. Дм. Д—го, „Пять недѣль въ Коканѣ“ (въ Русскомъ Вѣстникѣ 1871 г. кн. январь-ская). Это у насъ. На западѣ литература не такъ обширна, но и тамъ кое-что есть. Клапротъ сдѣлалъ переводъ на французскій языкъ главы о Коканѣ изъ китайской статистики Дай-цинъ-и-тунъ-чжи и напечаталъ въ *Magasin Asiatique* 1825, кн. I. Свѣдѣнія относятся къ самому темному періоду исторіи ханства и даютъ такія указанія, какихъ нѣтъ, какъ увидимъ, и въ книгѣ г. Наливкина. Въ 1817 г. собралъ свѣдѣнія о Коканскомъ ханствѣ миръ Иззетъ-Уллахъ. Не забыто это ханство и у Абдуль Керима, сочиненіе котораго подъ названіемъ *l'Asie Centrale* издано г. Шеферомъ въ текстѣ съ переводомъ (*Publications de l'école des langues orientales vivantes*). Наконецъ, иностранцамъ были доступны сообщенія объ исторіи коканскаго ханства въ запискѣ Ханыкова у Френа въ *Nova Supplementa* и у Скайлера въ *его Turkistan, London, 1876, vol. I*), гдѣ изложена новѣй-

шая исторія Кокана по русскимъ источникамъ (Appendix I, p. 337—359). Всѣ эти статьи даютъ намъ полную возможность въ общемъ вѣрно узнать ходъ исторіи Коканскаго ханства. Намъ были не извѣстны только нѣкоторыя подробности.

Въ I главѣ г. Наливкинъ старается разрѣшить три вопроса: 1) о пунктахъ древней осѣдлости Ферганы, 2) объ этнографіи этой страны, и 3) о причинахъ, по какимъ та или другая народность заняла то или другое относительное положеніе въ ханствѣ. Какъ ни интересны эти вопросы, надо замѣтить, что для удачнаго разрѣшенія ихъ нѣтъ еще у насъ, какъ не было и у г. Наливкина, достаточно вѣскихъ данныхъ. Ни мѣстные источники, ни личныя наблюденія г. Наливкина не могли дать ему твердыхъ точекъ опоры для теоріи имъ составленной.

Объяснивъ намъ современное географическое положеніе Ферганы, г. Наливкинъ заявляетъ, что нѣсколько вѣковъ назадъ она представляла совсѣмъ другую картину. Весьма вѣроятно, но на чемъ основанъ этотъ выводъ: на геологическихъ изысканіяхъ? или на историческихъ свидѣтельствахъ? Нѣтъ. Авторъ довѣрился мѣстнымъ преданіямъ о завоеваніи Ферганы арабами (Шейхъ-Джелиль). Эти преданія интересны тѣмъ, что выражаютъ позднѣйшій взглядъ туземцевъ на это завоеваніе, извлекать оттуда историческіе факты надо съ крайнею осторожностью, да едва ли и есть къ тому какая-либо надобность, потому что походы арабовъ въ Мавераннагръ намъ хорошо извѣстны изъ арабскихъ источниковъ, никакихъ сомнѣній не возбуждающихъ. Если же вѣрить легендамъ, то окажется, что Али совершалъ свои подвиги въ Туркестанскомъ краѣ вообще и въ Ферганѣ въ частности, гдѣ показываютъ мѣста его пребыванія и отдохновеній (кадамъ-джо), укажутъ даже могилу, гдѣ онъ будто бы похороненъ. Замѣтимъ кстати, что эта легенда объ Али, очень распространена въ Средней Азіи, и какъ она, такъ и другія ей подобныя, даютъ поводъ предполагать, что древнія легенды подъ вліяніемъ ислама приняли иной видъ, измѣнились: мѣстные герои, которыхъ не могло не быть въ Средней Азіи, обратились въ библейскія личности и мусульманами чтимые святые. Мысль эта принадлежитъ не намъ, она высказана другимъ оріенталистомъ, но въ ней мы вполне присоединяемся.

Г. Наливкинъ признаетъ существованіе въ древности, то-есть, въ періодъ завоеванія Ферганы арабами, слѣдующихъ городовъ: Ахсы, Касана, Андиджана, Узгента, Оша, Маргелана, Исфары, Варуха

Канибадама и Ходжента (стр. 4). На какомъ, спрашивается, основаніи? на томъ, что о нихъ только и упоминается въ легендахъ? Вѣроятно. Между тѣмъ у насъ есть для этого источникъ первѣйшей важности — подробное описаніе Ферганы, составленное арабскими путешественниками X вѣка. Этотъ источникъ избавилъ бы автора „Краткой исторіи Кокандскаго ханства“ отъ необходимости искать подкрѣпленія своему положенію — у кого? — у Бабура, писателя XVI вѣка. Но есть пропуски и у Бабура въ его описаніи Ферганы. Г. Наливкинъ не обратилъ на нихъ вниманія, а потому и заявилъ: „достоверно извѣстно, что въ то время (то-есть, въ XVI вѣкѣ) не существовало еще: Кокана, Чуста и Намангана“ (стр. 20). Всѣ эти города онъ считаетъ новыми. Наманганъ существуетъ, надо думать по нѣкоторымъ его намекамъ (на стр. 23—24), около 250 лѣтъ; Коканъ же основанъ въ 1153 году гиджры (=1740)¹⁾. По случаю чего и хронограмма сочинена туземными учеными, большими любителями хронограммъ (стр. 59). О времени основанія Чуста ничего не говорится. Относительно Намангана ничего сказать не можемъ, можетъ быть, оно и такъ, но Чустъ появляется подъ именемъ Джуста ранѣе, чѣмъ полагаетъ г. Наливкинъ; а недавнее будто бы основаніе Кокана, не смотря на категоричное заявленіе, приведенное выше, намъ весьма сомнительно. Если не городъ, то селеніе должно было существовать здѣсь гораздо раньше XVIII столѣтія. Быть можетъ, вся дѣятельность „основателей“ заключалась въ устройствѣ урды и введеніи городскихъ стѣнъ. Намъ самимъ удалось видѣть на ханскомъ кладбищѣ въ Коканѣ дахму (мавзолей) весьма древнюю и уже значительно пострадавшую отъ времени. Кромѣ того, у Истахри и у Ибнъ-Хаукаля, въ X стало-быть вѣкѣ, находимъ мы указаніе на городъ Ховакендъ (можно читать и Хокандъ), который по разстоянію отъ Шанской рѣки (Сыръ-дарьи) и отъ Ахсы, какъ разъ соответствуетъ нынѣшнему Кокану. Наконецъ, г. Наливкинъ ничего не говоритъ о другихъ городахъ, о которыхъ сообщаютъ намъ арабскіе путешественники; а они сообщаютъ еще, что, кромѣ городовъ, въ Ферганѣ было такъ много большихъ деревень, какъ нигдѣ въ Мавераннахрѣ. Все это значительно подрываетъ въ нашихъ глазахъ теорію автора касательно высыханія дна Ферганской долины.

¹⁾ Собственно первоначальное основаніе Кокана, по сообщенію г. Наливкина, произошло немного раньше, около 1732 года, но тогда городъ назывался иначе: *Иски-курганомъ* или *Кала-и-Раимъ-бай* (по имени основателя Абду Раима, стр. 56—57).

Такъ какъ г. Наливкинъ взялся изложить исторію Коканскаго ханства, а не Ферганы собственно, то ему не слѣдовало бы обходить молчаніемъ и другія части ханства, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимала Ташкентская область. Но онъ вообще нигдѣ не говоритъ ни о границахъ ханства, ни о томъ, какъ онѣ расширялись и сокращались; а вѣдь это для читателя весьма важно знать.

Что же касается того, какъ шло заселеніе въ Ферганѣ, то это вопросъ пока еще темный, хотя бы и для того времени, какъ стала она наводняться народами тюркскаго племени. Вообще эта глава, по нашему мнѣнію, весьма слабая. Мы не стали бы, пожалуй, на ней и останавливаться, еслибы въ ней не была проведена одна, величайшая для историка, ересь, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе.

На стр. 12 читаемъ: „уже въ VII вѣкѣ (гиджры, надо полагать, то-есть, въ XIII-мъ нашей эры) Фергана была наводнена узбеками“. Открытіе сколько неожиданное, столько же и интересное. Признаемся, мы никакъ не могли себѣ уяснить, что собственно разумѣтъ г. Наливкинъ подъ словомъ узбекъ. Для насъ это терминъ не этнографическій, а политическій. Извѣстная группа обитателей киргизскихъ степей образовала политическій союзъ подъ именемъ узбековъ, составъ которыхъ былъ, поэтому, совершенно случайный. Произошло это въ XV вѣкѣ, и никакихъ узбековъ до того не было; а потому помѣщать ихъ въ XIII вѣкѣ—странно. Приходится допустить, что образованіе узбекскаго союза г. Наливкину не извѣстно, иначе не сказалъ бы онъ, что дикій, невѣсть откуда вторгнувшійся въ Фергану кочевникъ-узбекъ явился тамъ въ роли созидателя арычныхъ системъ (стр. 26), такъ какъ давно объяснено, когда и откуда вторгнулись въ Фергану узбеки. Если г. Наливкинъ подъ именемъ узбековъ разумѣтъ нѣкоторыхъ народцевъ тюркскаго языка, то опять—какихъ же? Порѣшивъ, что Фергана была наводнена узбеками уже въ XIII вѣкѣ, г. Наливкинъ прибавляетъ: „однако же не слѣдуетъ думать, что ихъ переселеніе въ Фергану было дѣломъ (хотя бы и историческаго) момента; переселеніе это, какъ кажется, продолжалось въ теченіи довольно продолжительнаго промежутка времени, причемъ нѣкоторые роды, разумѣется за исключеніемъ раньше вторгнувшихся сюда тюрокъ-сельджуковъ, пришли одни нѣсколько раньше, а другіе значительно позже прихода самого Чингиза. По той же причинѣ разные роды узбековъ проникли въ Фергану несомнѣнно разными путями, то-есть, входили въ нее съ разныхъ сторонъ. Такъ, напримѣръ, можно

быть почти увѣреннымъ, въ томъ, что родъ Кипчакъ вошелъ въ Фергану черезъ западную ея границу, а роды Кыргызъ и Багышъ—черезъ восточную“ (стр. 12—13). Мы очень далеко ушли бы, еслибы стали возражать на эти выводы г. Наливкина, которые къ тому же и не составляютъ существенной части его сочиненія, но не можемъ не обратить вниманія на ту легкость, съ которою двигаются у него народы. Вздумалъ родъ Найманъ поселиться въ Ферганѣ, забралъ свое имущество и стада, пришелъ, положимъ съ запада, да и сѣлъ въ облюбованномъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько времени родъ Багышъ продѣлалъ тоже съ восточной стороны. А кто, спрашивается, пустить ихъ туда? Но мы находимъ въ „Краткой исторіи“ еще нѣчто другое: „Въ началѣ VII вѣка (начало XIII вѣка христіанской эры) въ Фергану хлынули волны того великаго людскаго моря, которое извѣстно въ исторіи подъ именемъ полчищъ Чингизъ-хана и именуется большею частью писателей—историковъ монголами. Почему историками принято это далеко неправильное названіе, понять довольно трудно, ибо тѣ самыя полчища Чингизъ-хана, которыя называются монголами, основали въ Россіи татарскія ханства или царства, а татары суть не что иное, какъ Ногай, одинъ изъ извѣстныхъ намъ 92 родовъ узбековъ. Ни одинъ туземецъ не скажетъ вамъ, что Чингизъ былъ монголъ, а назоветъ его узбекомъ“ (стр. 11). Не у туземцевъ Ферганы будемъ мы учиться исторіи и авторитету ихъ не предпочтемъ наши изслѣдованія. Кто былъ Чингизъ-ханъ—мы знаемъ, какъ знаемъ и составъ его полчищъ, и упрекать историковъ въ непониманіи дѣла въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія. Увлеченіе узбеками дошло у г. Наливкина до того, что онъ и въ Астрахани отыскалъ ихъ: „подъ именемъ Аштраханиэ разумѣются узбеки, переселившіеся въ бухарское ханство изъ прежняго астраханскаго царства“—замѣчаетъ онъ (стр. 46, примѣч.). Аштраханиды были не узбеки, а потомки Батая, Батуханиды, удалившіеся въ Бухару, вслѣдствіе волненій у себя дома, и породнившіеся съ Шейбанидами путемъ браковъ, почему и явились они преемниками этой послѣдней династіи, пресѣкшейся за смертію всѣхъ представителей ея.

Мы сочли нужнымъ высказать эти замѣчанія ради того глубокаго уваженія, которое питаемъ къ автору этой книги, впервые выступившему на подрищѣ исторіи Востока, поприще весьма нелегкое, гдѣ и опытный изслѣдователь не всегда можетъ избѣжать промаховъ, а новичку и тѣмъ болѣе это трудно.

Мы не знаемъ точно, вслѣдствіе какихъ причинъ обострились от-

ношенія между сартами и узбеками, обострились до непримиримой вражды, до кровавой расправы однихъ надъ другими, чья сила беретъ перевѣсъ. Г. Наливкинъ лично наблюдалъ эти отношенія и его объясненія надо принять къ свѣдѣнію ¹⁾.

Во второй главѣ начинается изложеніе новой исторіи Ферганы. Откуда начинать эту исторію? Мы привыкли начинать ее съ конца XV столѣтія, то-есть, со времени наводненія ея узбеками подъ предводительствомъ хана Шейбани, когда произошелъ въ странѣ переворотъ, подъ вліяніемъ котораго она постепенно дошла до нынѣшняго состоянія. Но авторъ приводитъ узбековъ въ Фергану еще до Чингизъ-хана и заставляетъ ихъ переселяться туда въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, а потому у него такой грани нѣтъ. Сама по себѣ она еще можетъ быть обойдена какъ-нибудь, но другое дѣло, какъ историкъ будетъ смотрѣть на событія, о главныхъ виновникахъ которыхъ онъ составилъ себѣ ложную теорію? Г. Наливкинъ начинаетъ съ преемниковъ Тимура, при чемъ Шейбани-ханъ, не извѣстно, откуда явившійся, оказывается только основателемъ новой династіи. О Ферганѣ подъ властію Шейбанидовъ говорится, за неимѣніемъ свѣдѣній, очень мало, а при Аштраханидахъ Фергана, надо думать, сдѣлалась независимою отъ Бухары. Этотъ періодъ въ полтора-два почти лѣтъ (съ начала XVII вѣка до половины XVIII вѣка) самый темный въ исторіи Коканскаго ханства. Какъ былъ онъ темнымъ раньше, такимъ почти остался и теперь. Туземные источники сообщаютъ только краткій разказъ о потомкахъ Алтунъ-бишика до извѣстнаго намъ Ирданыбека. Достоверенъ ли приводимый разказъ, это еще вопросъ. Положиться на мѣстные лѣтописи, такъ окажется, что потомство Алтунъ-бишика управляло всею Ферганой, представляя мѣстную династію, между тѣмъ по китайской статистикѣ Фергана раздѣлялась на нѣсколько самостоятельныхъ владѣній, беки которыхъ дѣйствовали независимо одинъ отъ другаго, принимали китайское подданство, когда китайцы завоевали Джунгарію и Восточный Туркестанъ (1758—1759 годы), отправляли въ Пекинъ посольства съ данью. Вся суть, кажется намъ, заключается въ томъ, что въ родѣ коканскихъ бековъ нашелся чело-вѣкъ (Алимъ-ханъ), который сумѣлъ объединить Фергану и тѣмъ при-

¹⁾ По дорогѣ изъ г. Кокана въ Ашту, у самой переправы черезъ Сыръ-дарью, на правомъ ея берегу находится кладбище узбековъ кипчаковъ, которые даже и въ настоящее время не пускаютъ сартовъ хоронить на этомъ кладбищѣ своихъ покойниковъ. Вотъ какъ далеко зашла вражда между этими народами.

дать значеніе Коканскому ханству. Удайся это другому какому-нибудь беку, Андиджанскому, напримѣръ, и его родъ возвысился бы надъ родомъ Ирданы, который отошелъ бы на задній планъ. Притомъ, если коканскіе беки властвовали надъ всею Ферганою въ качествѣ верховныхъ правителей, то какимъ бы образомъ подчиненные имъ губернаторы въ прочихъ городахъ могли носить тотъ же титулъ бека? Наконецъ, Алимъ-хану пришлось почти во все свое царствованіе вести войны съ беками важнѣйшихъ городовъ, силою приводить ихъ къ покорности, то-есть, къ новому порядку вещей. Если же дѣло было не такъ, то надо допустить, что въ Ферганѣ водворилось, не извѣстно, какъ и когда, феодальное устройство. Нѣтъ въ этихъ лѣтописяхъ ни слова о походахъ ойратскаго Бошоку-хана въ Фергану. Въ 1681 году ходилъ онъ на Сайрамъ (какимъ путемъ, не знаемъ), въ 1683 году повторилъ этотъ походъ и подчинилъ андиджанцевъ. Въ 1685 году опять ходилъ на андиджанцевъ и захватилъ въ плѣнъ много бековъ¹⁾. Подъ андиджанцами слѣдуетъ, кажется намъ, разумѣть здѣсь вообще ферганцевъ, которые, очевидно, возставали противъ завоевателей чужевѣровъ. Затѣмъ, мы по прежнему не знаемъ, какимъ образомъ возникло въ Ферганѣ управленіе бековъ. Но за то, судя по мѣстнымъ лѣтописямъ, можно думать, что правили они страной довольно мирно, сравнительно съ тѣмъ, что было послѣ, при ханахъ. Завоевательныя наклонности проявлялись у бековъ, конечно, и въ это время и заходили иногда весьма далеко. Такъ Абду-Раимъ бекъ, пользуясь междоусобицею въ Бухарѣ, предпринялъ походъ въ это ханство, занялъ будто бы Самаркандъ, Каттыкуртанъ, гдѣ назначилъ своихъ правителей, добирался и до Шахрисябза, но ограничился лишь тѣмъ, что заключилъ съ тамошнимъ правителемъ миръ и женился на его племянницѣ. Но владычество коканцевъ въ Самаркандѣ продолжалось недолго, шахъ Надиръ въ 1740 году занялъ Бухару и Самаркандъ, при чемъ коканскій правитель былъ убитъ (стр. 58—59). Если этотъ разказъ вѣренъ, то онъ очень интересенъ; но возникаетъ вопросъ, на столько ли былъ силенъ Абду-Раимъ, чтобы, не смотря на волненія дома (возстаніе въ Андиджанѣ, напримѣръ), могъ онъ двинуться на завоеваніе бухарскаго ханства? Сомнительно что-то, сомнительно тѣмъ болѣе, что далѣе (стр. 62—63) г. Наливкинъ сообщаетъ и приводитъ тому при-

¹⁾ Этимъ сообщеніемъ мы обязаны многоуважаемому коллегѣ нашему А. М. Поздневу. Прибавимъ, что то же разказываетъ и капитанъ Унковскій.

мѣры, какъ слабо было правительство для подавленія даже внутреннихъ безпорядковъ. Кипчаки въ столицѣ среди бѣлаго дня производили открытый грабежъ, нападая на сартовъ и отнимая у нихъ ихъ имущество. Сарты, выведенные изъ терпѣнія нахальствомъ кипчаковъ рѣшились избить ихъ. Въ одинъ базарный день въ Коканѣ сарты бросились на своихъ обидчиковъ и начали избивать ихъ. Тѣ устремились въ бѣгство, но затѣмъ, получивъ подкрѣпленіе отъ своихъ, заняли Тюря-Курганъ. Потребовалось собрать войско, чтобы смирить кипчаковъ, а при этомъ была произведена рѣзня, какъ водится на востокѣ. При Ирданѣ бекѣ начались походы коканцевъ на Ура-тубе, и хотя городъ былъ взятъ, но много лѣтъ послѣ того онъ доставлялъ не мало хлопотъ коканскимъ ханамъ. Служа яблокомъ раздора между ними и бухарскими эмирами, онъ постоянно переходилъ то въ руки бухарцевъ, то коканцевъ. Ходженьтъ отлагался очень часто и воевалъ съ коканскими беками. Объ отношеніяхъ къ нимъ Ташкента знаемъ очень немного. Г. Наливкинъ замѣчаетъ только (стр. 73): „во время упомянутыхъ выше событій въ Ташкентѣ, находившемся болѣе въ номинальной, чѣмъ въ фактической, зависимости отъ Бухары правили ходжи, между которыми шли непрерывныя распри, кончившіяся тогда только, когда при помощи Ханъ-Ходжи, бывшего уже хакимомъ въ Тюря-курганѣ, тамъ (въ Ташкентѣ) утвердился наконецъ Юнусъ-ходжа“. А между тѣмъ Ташкентомъ владѣли и Киргизскіе ханы.

Послѣ смерти Ирданы-бека въ 1192 (1778) году вступилъ въ управленіе не прямо Нарбута-бій, какъ мы предполагали раньше по нашимъ даннымъ, а Сулейманъ, двоюродный братъ Ирданы, но онъ властвовалъ только 3 мѣсяца и былъ убитъ; тогда только правителемъ Ферганы былъ провозглашенъ Нарбута-бій, который, какъ оказывается, не сразу даже согласился принять на себя это не совсѣмъ безопасное время.

Правленіе преемника Нарбуты (умершаго въ 1222 или 1223 (1807—1808) году, сына его Алима, принявшаго титулъ хана, излагается въ III главѣ. Съ этого времени официально и получаетъ существованіе ханство, неизвѣстнаго впрочемъ наименованія, такъ какъ города Кокана, по мѣстнымъ лѣтописямъ, еще не существовало. Алимъ задумалъ усилить и свою власть, и свое ханство, что на востокѣ достигается прежде всего избіеніемъ родственниковъ, то-есть, устраненіемъ соперниковъ, и затѣмъ вообще жестокостью. За это Алимъ и получилъ прозваніе залима „тирана“, и ширъ-гарана „лютаго тигра“. Изъ-за угла, въ тихомолку, крови было пролито не мало,

Иногда, въ рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ ханы прибѣгали къ ссылкѣ и къ изгнанію изъ ханства лицъ, казавшихся имъ опасными. И ссылали—куда бы вы думали?—въ Сибирь, или въ Бухару; а то отправляли на богомолье въ Мекку.

Алимъ ханъ большую часть своего ханствованія провелъ въ войнахъ, счастье ему благопріятствовало, побѣды свои праздновалъ онъ кутежами и попойками. Даже независимый Ташкентъ долженъ былъ вступить въ вассальныя отношенія къ хану. Больше всего страдало отъ Алимъ-хана Ура-тюбе: 15 разъ ходилъ онъ на этотъ городъ, какъ свидѣтельствуешь Мухаммедъ-хакимъ-ханъ-тюря. Но войны и погубили Алима. Народъ не могъ вынести воинственныхъ наклонностей властолюбиваго хана, который весною 1232 года (1817), всѣми оставленный, былъ убитъ приверженцами своего брата Омара, провозглашеннаго ханомъ еще при жизни Алима. Поэтъ въ душѣ и покровитель поэтовъ и ученыхъ, новый ханъ, по видимому, склоненъ былъ болѣе къ мирной, чѣмъ къ военной жизни, по крайней мѣрѣ съ Бухарой не желалъ онъ ссориться, но обстоятельства заставили и его взяться за оружіе. Ташкентъ уже былъ подчиненъ Кокану, и Омаръ сталъ засматриваться на Туркестанъ, гдѣ правилъ Токай-тюря (или по нашимъ даннымъ—Тогай-ханъ), родомъ казакъ (киргизъ). Туркестанъ былъ взятъ. Этотъ городъ на границѣ съ Киргизскою степью имѣлъ для коканцевъ большое значеніе. Съ одной стороны, онъ закрывалъ киргизамъ путь для набѣговъ въ молодое ханство, съ другой—коканскіе ханы приобрѣтали вліяніе на киргизовъ, русскихъ подданныхъ. Чтобы еще болѣе усилить это вліяніе, Омаръ ханъ задумалъ возвести рядъ укрѣпленій на правомъ берегу Сыра: тогда возникли Акъ-Мечеть (фортъ Перовскій), Кошъ-курганъ, Чимъ-курганъ и др. Объ этомъ обстоятельстве г. Наливкинъ умалчиваетъ, хотя оно имѣло рѣшающее значеніе на судьбу ханства. Неудобство для насъ этихъ крѣпостей вскорѣ сказалось цѣлымъ рядомъ волненій и замѣшательствъ въ степи. Коканцы не только притѣсняли киргизовъ, но и безнаказанно грабили ихъ. Явилась необходимость очистить правый берегъ Сыра отъ коканскихъ крѣпостей. Въ 1853 году взята была Акъ-Мечеть, что послужило главнымъ шагомъ къ дальнѣйшему нашему движенію въ Среднюю Азію.

Такъ какъ коканскіе ханы были еще новичками среди независимыхъ владѣльцевъ Средней Азіи, то они во всемъ старались подражать своимъ старшимъ собратамъ. Бухара обыкновенно задавала тонъ и играла первенствующую роль въ западномъ Туркестанѣ. Такъ какъ

Бухарскій эмиръ присвоилъ себѣ титулъ эмиръ эль-муменинъ, то Омаръ ханъ, не желая отстать отъ него, сталъ величаться эмиръ эль-муслеминъ. Оба титула одинаково значать „повелитель правовѣрныхъ“. На бухарскихъ монетахъ чеканилось Бухараи-шерифъ „Бухара благородная“, на коканскихъ появилось Хоканди-лятифъ „Коканъ пріятный“, чего никакъ нельзя сказать про этотъ очагъ эндемическаго зоба. Типъ монетъ заимствованъ бухарскій же. Умеръ Омаръ ханъ въ концѣ 1237 года (=1822, а не 1821, какъ сказано у г. Наливкина на стр. 122). Преемникъ его Мадали-ханъ (Мухаммедъ Али), которому тогда было всего только 12 лѣтъ, превзошелъ въ безпутствѣ всѣхъ своихъ предшественниковъ. „Это былъ мальчикъ своенравный, избалованный, капризный, злой, испорченный и нравственно, и физически, и лестью придворныхъ, и виномъ, и женщинами, и примѣромъ окружавшей его придворной жизни“—справедливо аттестуетъ Мадали-хана г. Наликинъ (стр. 122). Да, безотраднa была исторія Коканскаго ханства: игра мелкихъ честолюбій, тяжело отражавшаяся на народѣ, доносы, шпионства, интриги придворныхъ, пьянство, страсть къ азартнымъ играмъ, звѣрство и развратъ хановъ, безконечныя войны, все это утомляетъ читателя до крайности, утомляетъ тѣмъ чувствительнѣе, что отдохнуть рѣшительно не на чемъ, постоянно оказывается одно и то же. Время управленія Мадали-хана и теперь весьма памятно въ Ферганѣ. Повторяя походы своихъ предшественниковъ, онъ изобрѣлъ и новыя—въ Восточный Туркестанъ, для поддержки ходжей противъ китайцевъ; но стычки съ китайцами не покрыли Мадали-хана славою, хотя онъ и изъ пораженія умѣлъ извлечь выгоды: китайское правительство увеличило ему плату за присмотръ за ходжами. Г. Наликинъ ничего, впрочемъ, не говоритъ о правѣ коканскихъ хановъ собирать пошлину въ Кашгарѣ съ торговыхъ каравановъ, для чего посылался изъ Кокана особый сборщикъ. А это фактъ весьма знаменательный. Къ довершенію всѣхъ своихъ подвиговъ Алимъ ханъ женился въ 1831 году на своей мачихѣ (ханъ-падша Аимъ), что по шаріату является великимъ преступленіемъ. Это обстоятельство и ускорило гибель хана. Партія недовольныхъ, но только около 1840 года, отправила въ Бухару посольство къ эмиру Насръ-Уллѣ съ просьбою избавить страну отъ грѣховодника хана. Относительно заговора и посольства г. Наликинъ заявляетъ, что ни то, ни другое достовѣрно не доказано (стр. 136). Но едва ли можно въ этомъ сомнѣваться. Вопервыхъ, интриги, тайныя заговоры противъ хановъ были совершенно въ духѣ коканцевъ; во вторыхъ, если

Насръ-Улла явился защитникомъ закона, то чего же ждалъ онъ дѣлъхъ 9 лѣтъ? При той удивительной быстротѣ, съ которою распространяются въ Средней Азіи всякіе слухи, да еще съ прикрасами, никоимъ образомъ не могъ и Насръ-Улла находиться такъ долго въ невѣдѣніи о поступкахъ Мадали-хана. Мы готовы объяснить подобную медленность со стороны эмира тѣмъ, что безъ приглашенія самихъ коканцевъ не смѣлъ онъ выступить противъ Мадали хана. Что касается до самаго разказа объ этомъ обстоятельствѣ, то мы слышали его въ Ферганѣ отъ туземцевъ нѣсколько иначе. Но результатъ по всѣмъ извѣстіямъ одинаковъ: Мадали ханъ былъ убитъ, а Коканъ обращенъ въ бухарскую провинцію. Случилось это въ 1842 году. „Столь безславно погибъ одинъ изъ безславныхъ правителей Коканскаго ханства“, замѣчаетъ г. Наливкинъ.—„Говорятъ, что гласъ народа, гласъ Божій. Быть можетъ, это и такъ, но тогда тѣмъ болѣе странно, что въ народной памяти такъ и до сихъ поръ осталось прозвище Алима залима (тирана), тогда какъ въ отношеніи Мадали-хана та же самая память не сохранила, по видимому, никакихъ злобныхъ воспоминаній. Это странно, ибо изъ сравненія обоихъ должно-бы, казалось, получиться что-либо обратное. Если, напримѣръ, судить о жестокости обоихъ по числу зарѣзанныхъ ими вѣрныхъ и невѣрныхъ слугъ, то кровавая пальма первенства должна принадлежать, конечно, Мадали хану, а никакъ не Алимъ. Если Алима народъ не возлюбилъ за частоту войнъ и походовъ, то можно безъ преувеличенія сказать, что Мадали погубилъ еще большее число людей одною только послѣднею войною съ эмиромъ, которая была прямымъ послѣдствіемъ его безпутства и безобразія“ (стр. 144). Это недоразумѣніе, кажется, легко объяснить тѣмъ, во первыхъ, что народъ уже привыкъ къ военнымъ походамъ и кровавымъ расправамъ, привыкъ до такой степени, что слѣдующій ханъ, Ширъ-Али, не расположенный ни къ тому, ни къ другому, получилъ въ народѣ прозвище: аталя (кисель), шавля (размазня), пустакъ (дубленая шкура)! Въ вторыхъ, Мадали ханъ былъ убитъ бухарцами, владычество которыхъ тогда сдѣлалось для коканцевъ ненавистнымъ, а Алимъ ханъ пострадалъ отъ своихъ.

IV глава начинается изложеніемъ управленія Ферганой бухарскими чиновниками. Коканцы не выдержали притѣсненій и поборовъ бухарскаго намѣстника Ибрагима Хаяли парваначи, рѣшились свергнуть иноземное иго, избравъ на ханство Ширъ-Али, двоюроднаго брата Алимъ-хана и Омаръ-хана. Произошло возстаніе, и парваначи бѣжали въ Бухару, а бухарскій гарнизонъ былъ избитъ. Хотя Насръ-Улла и

выступилъ въ Коканъ, осадилъ городъ, но долженъ былъ вернуться ни съ чѣмъ. Во время этого похода выдвинулся своимъ геройствомъ кипчакъ Мусульманъ-кулъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи всевластнымъ временщикомъ. Объ этихъ услугахъ Ширъ-Али хану не находимъ мы никакихъ указаній въ „Краткой исторіи“, гдѣ Мусульманъ-кулъ по-является какъ-то нѣожиданно и представляется личностью довольно безцвѣтною. При Ширъ-Али усилилась вражда между узбеками кипчаками и сартами и дѣло дошло до кроваваго столкновенія. Мусульманъ-кулъ въ должности минъ-баши (военачальника) сталъ раздавать всѣ видныя мѣста своимъ кипчакамъ, которые и начали хозяйничать въ странѣ, притѣсня сартовъ и даже избивая ихъ. Сарты рѣшились смирить кипчаковъ. Пользуясь пребываніемъ Мусульманъ-кула за Ошемъ, они пригласили на ханство Мурадъ-бека, сына Алимъ-хана и убили Ширъ Али. Мусульманъ-кулъ поспѣшилъ въ Коканъ, убилъ Мурадъ-хана и возвелъ на престолъ 13-лѣтняго Худояра, сына Ширъ-Али. Кипчаки произвели жестокую расправу съ сартами. Вся дальнѣйшая исторія ханства заключается, главнымъ образомъ, въ борьбѣ сартовъ и узбековъ, при чемъ всякій переворотъ въ управленіи сопровождался страшною рѣзней. Одерживаютъ верхъ сарты—они рѣжутъ узбековъ, узбеки получаютъ первенствующее значеніе въ ханствѣ—они рѣжутъ сартовъ, а тѣ ждутъ случая отплатить своимъ врагамъ тѣмъ же. Рѣжутъ правыхъ и виноватыхъ, только не извѣстно, передъ кѣмъ правыхъ и передъ кѣмъ виноватыхъ. Трудно даже представить, какъ можно было жить въ такихъ тискахъ. Намъ самимъ случалось въ Ферганѣ слышать разказы сартовъ объ этомъ положеніи. „Сидимъ мы, бывало“, сказывали они,—„въ своемъ кишлакѣ, не смѣя изъ дому выйти, сидимъ и гадаемъ на палочкахъ (особый способъ гаданья), кто кого рѣжетъ: наши ли кипчаковъ, или кипчаки нашихъ“? Какой же долженъ былъ выработываться характеръ у народа при такихъ печальныхъ условіяхъ? Благомыслящіе коканцы вполне оцѣнили новое положеніе подъ властію Россіи, положившей конецъ ужасной бойнѣ.

Судьба Мусульмана-кула имѣла печальный исходъ, но объ этомъ разказываютъ различно. По однимъ его повѣсили, избивъ предварительно передъ его глазами нѣсколько сотъ кипчаковъ, по другимъ—онъ умеръ на столбѣ, къ которому была придѣлана площадка и на которой онъ просидѣлъ нѣсколько дней безъ пищи. Такъ погибъ человѣкъ, спасшій свое отечество отъ бухарцевъ.

Ханствованіе хана Худояра составляетъ содержаніе V главы. Съ

казнію Мусульманъ-кула дѣла въ ханствѣ не измѣнились къ лучшему. Перемена произошла только въ томъ, что теперь сарты начали рѣзать узбековъ. Худояръ же оказался человѣкомъ крайне жаднымъ до денегъ, просто торгашемъ, какимъ заявилъ онъ себя и въ Оренбургѣ, гдѣ обратился въ лошадинаго барышника, кончившаго, впрочемъ, весьма неудачно: онъ былъ обобранъ своимъ приближеннымъ сартомъ.

Коканскія извѣстія о попыткахъ хана отбить Акъ-Мечеть у русскихъ вполнѣ, можно сказать, согласны и съ нашими. Вскорѣ же по взятіи нами этой крѣпости тамъ получено было извѣстіе о движеніи коканскаго войска къ Акъ-Мечети подъ начальствомъ правителя ташкентскаго Сабданъ-ходжи. Это былъ Шадманъ-ходжа (стр. 182). Высланный изъ форта на рекогносцировку войсковой старшина Бородинъ, съ отрядомъ изъ трехъ сотенъ казаковъ при трехъ легкихъ орудіяхъ, встрѣтился съ непріятелемъ 24-го августа при урочищѣ Кумъ-суать (въ 43 верстахъ къ востоку отъ форта) и съ успѣхомъ отразилъ шесть упорныхъ атакъ на него коканцевъ. Эта схватка, сопровождавшаяся для коканцевъ урономъ до 200 человѣкъ, такъ поразила ихъ, что передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня они снялись лагеремъ и обратились въ такое поспѣшное бѣгство, что посланные въ погоню войска наши нигдѣ не могли настичъ ихъ. Что же касается до зимняго похода Касыма-минбаши, потергѣвшаго поражение, по мѣстнымъ извѣстіямъ, не доходя до Акъ-Мечети (стр. 183), то у насъ объ этомъ разказывается такимъ образомъ: 14-го декабря коканцы въ числѣ 13 тысячъ человѣкъ расположились лагеремъ на лѣвомъ берегу Сыра въ 2½ верстахъ отъ форта и стали обходить его съ разныхъ сторонъ. Начальникъ форта подполковникъ Огаревъ остался защищать фортъ, а маіору Шкупу съ отрядомъ въ 550 человѣкъ пѣхоты и казаковъ при 4 орудіяхъ и 2 ракетныхъ станкахъ поручилъ дѣйствовать въ полѣ. Маіоръ Шкупъ выступилъ 18-го декабря передъ разсвѣтомъ, и установивъ войска на позицію, сдѣлалъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Коканцы бросились въ атаку, но были отбиты съ большимъ урономъ и стали окружать лагерь со всѣхъ сторонъ. Положеніе нашего отряда сдѣлалось критическимъ. Тогда маіоръ Шкупъ, оставивъ 200 человѣкъ для защиты позиціи и раненыхъ съ прочими бросился на коканскій лагерь. И движеніе это исполнено такъ смѣло, быстро и неожиданно, что изумленные коканцы, находившіеся въ лагерѣ, бѣжали, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Шкупъ зажегъ лагерь и заклепалъ покинутыя въ немъ ору-

дія. Остальные коканцы, увидѣвъ пожаръ въ своемъ лагерѣ, бросились бѣжать безъ оглядки. Потерявъ въ этомъ дѣлѣ болѣе тысячи человѣкъ убитыми, коканцы оставили въ нашихъ рукахъ 17 орудій, значительное количество снарядовъ и весь лагерь съ находившимся въ немъ имуществомъ ¹⁾.

Нелюбимый своими подданными, Худояръ трижды принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ изъ ханства, гдѣ на престолѣ возводились его родственники, братъ его Малля-Ханъ (съ 1858 по 1862 г.) и два племянника: Ша-Мурадъ (1862 г.), Султанъ-Сеидъ (1863 г.), и три раза подкрѣпляемый бухарскимъ эмиромъ возвращался Худояръ въ свое владѣніе. Эти неурядицы въ ханствѣ облегчили намъ занятіе Алматы (Вѣрное) и Токмака въ 1860 г., Ауліз-ата, Туркестана и Чимкента въ 1864 г., въ слѣдующемъ году взять Ніязъ-бекъ, а затѣмъ и Ташкентъ. Поддержка, оказываемая бухарскимъ эмиромъ Худояру, обязывала этого послѣдняго къ дружбѣ съ Бухарой и даже къ подчиненію ей, что вовсе не нравилось народу и не располагало его симпатіи въ пользу Худояра. Столкновеніе между Бухарой и Коканомъ прекратились лишь тогда, когда мы заняли Ходжентъ и Ура-тюбе (въ 1866 году). Близость русскихъ водворила нѣкоторое спокойствіе въ Коканскомъ ханствѣ, а мирная жизнь давала жителямъ возможность, не смотря на алчность хана, увеличить свое благосостояніе. Такое непривычное для коканцевъ положеніе дѣлъ продолжалось, однако, не долго. Народъ началъ волноваться и возсталъ противъ злосчастнаго хана, который бѣжалъ, и уже въ послѣдній разъ, но не въ Бухару, куда путь ему былъ отрѣзанъ, а въ Россію. Въ 1875 году двинуты были русскія войска для водворенія спокойствія въ ханствѣ, а водворить это спокойствіе оказалось возможнымъ только присоединеніемъ Кокана къ Россійской имперіи.

Къ удивленію, въ этой исторіи не встрѣтили мы ни одинаго слова объ одной очень замѣчательной личности въ Коканѣ: о Якубъ-бекѣ. Комендантъ Акъ-Мечети и счастливый ея защитникъ въ 1852 году, когда Вларамбергъ принужденъ былъ со своимъ отрядомъ отступить, съ этого времени Якубъ-бекъ какъ-то стушевался, никакихъ извѣстій о немъ не имѣется до 60-хъ годовъ, когда онъ вновь всплылъ, но не въ Коканѣ, а въ Восточномъ Туркестанѣ, изгналъ оттуда китайцевъ и образовалъ тамъ независимое ханство съ титуломъ аталыка, пожалованнымъ ему бухарскимъ эмиромъ. Интересно было бы допод-

¹⁾ Изъ всеподданнѣйшаго отчета ген. Перовскаго о взятіи Акъ-Мечети. Часть ССХLVIII, отд. 2.

линно узнать, какое участіе принимали коканскіе ханы въ такомъ возвышеніи Якубъ-бека и какъ относились они къ своему бывшему подданному?

Въ концѣ книги приложена родословная коканской династіи Мингъ, составленная по туземнымъ источникамъ, начиная съ эмира Тимура. Какъ составилаь эта родословная, мы не знаемъ, но едва ли она во всѣхъ источникахъ изложена одинаково. По крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ помѣщена у г. Наливкина, не сходится она съ родословной въ „Тарихи Шахрохи“, изданной г. Пантусовымъ. Въ послѣднемъ сочиненіи, гдѣ представлена (на стр. 173), вся родословная Худояръ-хана до Адама включительно, мы встрѣчаемъ нѣкоторую разницу съ таблицей г. Наливкина.

Еще одно замѣчаніе по поводу хронологіи. Мы часто не понимаемъ, какъ г. Наливкинъ переводитъ мусульманское лѣтосчисленіе на наше. Приведемъ примѣры: іюль 1235 г. былъ будто бы въ 1819 г. (стр. 113). Не можетъ этого быть потому, что 1235-й годъ начался 8-го октября 1819 года: здѣсь, стало-быть, ошибка на годъ. То же самое и на 126 страницѣ: лѣто 1238 года не можетъ соответствовать лѣту 1822, а слѣдующему, такъ какъ 1238 годъ начался 6-го сентября 1822 года. На оборотъ, іюнь 1260 года падаетъ не на 1845 годъ (стр. 159), а на 1844, потому что этотъ мусульманскій годъ начался 10-го января 1844 года. 1264-й годъ болѣе соответствуетъ 1848 году, чѣмъ 1847 г. (стр. 168), такъ какъ онъ начался 27-го декабря 1847 года. То же самое надо замѣтить и относительно 1265 года, начавшагося 15-го ноября. 1231 годъ (стр. 185) надо отнести на 1816. Весна 1232 года должна быть отнесена на 1817 годъ (стр. 101), потому что 1232 годъ начался 9-го ноября 1816 года. 1234-й годъ соответствуетъ у г. Наливкина 1818-му, хотя совпаденіе ихъ не идетъ дальше двухъ мѣсяцевъ и 11 дней: этотъ мусульманскій годъ начался 19-го октября 1818 года; но по этой причинѣ іюнь 1234 года не можетъ быть въ 1818 году (стр. 108—109), а долженъ имѣть мѣсто въ слѣдующемъ ¹⁾. Но вообще не принято, да и нельзя говорить—„въ началѣ іюня“ такого-то мусульманскаго года. У мусульманъ есть свои мѣсяцы.

Намъ нѣтъ надобности оправдываться передъ кѣмъ-либо въ нашихъ дѣйствіяхъ въ Средней Азіи и оправдываться мы ни въ какомъ случаѣ не будемъ, но всегда можемъ съ гордостію указать на

¹⁾ См. *F. Wüstenfeld. Vergleichungs-Tabellen des Muhammedanischen und Christlichen Zeitrechnung.* Leipzig, 1854.

то, что происходило въ Средней Азіи до насъ и что стало тамъ теперь. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Наливкина является прекрасною иллюстраціею тѣмъ порядкамъ, которые существовали въ западномъ Туркестанѣ при самостоятельныхъ ханахъ. Не мѣшало бы, еслибъ „краткая“, но въ то же время и единственная у насъ, исторія коканскаго ханства сдѣлалась извѣстною и въ западной Европѣ.

Н. Веселовскій.

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ. Общедоступное изложеніе. В. Тетисева. С.-Пб. 1886 г.

Не смотря на довольно значительное распространеніе математическаго образованія, у насъ въ обществѣ немного найдется людей, ясно представляющихъ себѣ цѣль и значеніе математики. Лицамъ, имѣющимъ о ней очень смутное представленіе, она кажется наукою невообразимо трудною и необъятно полезною, хотя, въ какихъ областяхъ она полезна, они опредѣлить не могутъ. Другіе, не одаренные особою любовью къ ней, начавъ заниматься ею, пугаются обыкновенно сухости и отвлеченности ея изложенія и начинаютъ увѣрять, что математика—это особаго рода умственная игра, и повторяютъ невозможный анекдотъ Съ объ одномъ французскомъ геометрѣ, будто бы сказавшемъ, что „математика служитъ для писанія книгъ, понимаемыхъ подлужиною читателей, и для того, чтобъ авторы этихъ книгъ имѣли возможность попасть въ члены академіи наукъ и такимъ образомъ пользоваться извѣстными благами“. Между тѣмъ вопросъ о пользѣ и значеніи математики для большинства остается еще и до сихъ поръ открытымъ, и рѣчи и разсужденія по этому предмету сороковыхъ годовъ (Брашмана 1841 г.; Петровскаго 1843 г.; Лукьянова 1844 г.), очевидно, не достигли своей цѣли—выяснить для публики это значеніе. Да и неудивительно. Только основательно прошедшій курсъ математики можетъ увидѣть ея значеніе въ практической жизни и какъ науки, развивающей наше мышленіе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи математика должна быть особенно рекомендована. Съ одной стороны, строго развитые ея методы пріучаютъ нашу мысль дѣлать совершенно правильныя и точныя умозаключенія, съ другой—разсмотрѣніе абсолютныхъ предметовъ, почти въ состояніи самихъ идей, должно въ высшей степени располагать къ облагораживающему и возвышающему нашу душу надъ здѣшнимъ міромъ философскому созерцанію. Не даромъ же большинство великихъ фи-

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

1890.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ШЕСТИ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1891.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

121. Н. И. Гродековъ. Киргизы и Каракиргизы Сыръ-дарьинской области. Томъ первый. Юридическій бытъ. Ташкентъ 1889. VI + 298 + 205 стр. 8°. (Съ 12 рисунками этнографической картой Сыръ-дарьинской области).

Книга ген. Гродекова, встрѣченная очень сочувственно нашею періодическою печатью, дѣйствительно заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по важности затронутаго вопроса, такъ и по той цѣли, которую преслѣдуетъ. Юридическій бытъ киргизовъ затрогивали очень многіе, но обстоятельной разработкѣ онъ еще не подвергался. Подъ вліяніемъ русской гражданственности, ислама и развитія земледѣлства у киргизовъ бытъ этотъ измѣняется, принимаетъ новыя формы, вслѣдствіе чего многое старое исчезло, отошло въ область преданій, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ время для наблюденій уже упущено. Одного этого соображенія достаточно, чтобы съ благодарностью встрѣтить серьезную попытку, идущую со стороны мѣстной высшей администраціи, — представить полную картину юридическихъ отношеній киргизскаго народа въ его внутренней жизни. Но когда есть хорошее, хочется имѣть еще лучшее; поэтому мы рѣшаемся высказать нѣкоторыя свои соображенія, вызванныя помянутой книгой, въ надеждѣ, что они не пройдутъ безслѣдно для мѣстныхъ дѣятелей, которые, надо думать, не остановятся на первомъ опытѣ. Въ семь мѣсяцевъ, которые провелъ А. Н. Вышнегорскій въ степи, нельзя пзучить бытъ киргизовъ во всѣхъ подробностяхъ потому уже, что нѣкоторые народныя обычаи проявляются только въ извѣстное время года, весной или осенью, зимой или лѣтомъ; напримѣръ, празднованіе новаго года занимаетъ почти весь мѣсяць фев-

раль, въ который, по этому случаю, даже свадьбы не совершаются: п безъ того много празднествъ. Слѣдовательно, необходимо прослѣдить весь годовой цѣклъ народной жизни кыргызовъ, что при настоящей работѣ не было исполнено. Говоримъ это не въ укоръ; напротивъ, надо удивляться, что въ такой незначительный срокъ сдѣлано г. Вышнегорскимъ такъ поразительно много. Что книга ген. Гродекова не исчерпываетъ намѣченной задачи вполне — это, конечно, само собою ясно, п вопросы будутъ возникать еще долго, какъ возникаютъ они въ законодательныхъ кодексахъ болѣе совершенныхъ, чѣмъ кыргызскій *адатъ*, а потому дальнѣйшая разработка юридическихъ обычаевъ кыргызовъ п тщательная провѣрка собраннаго уже п напечатаннаго матеріала очень желательны. Приведемъ нѣкоторые вопросы. Куда поступаетъ, послѣ смерти вдовы, та доля имущества, которая выдается ей на пропитаніе изъ наслѣдства мужа? По древнему основному обычаю кыргызка, по смерти мужа, не могла завѣщать свое имущество, хотя бы даже свое приданое, въ свой родъ. Это имущество оставалось въ родѣ мужа п въ томъ случаѣ, когда вдова, не желая вступать въ бракъ съ деверемъ или другимъ родственникомъ, удалялась въ свой родъ. Какъ велика власть вдовы надъ имуществомъ, оставшимся ей съ дѣтьми? п т. д.

Книга ген. Гродекова имѣетъ въ виду цѣли практическія п научныя: «изученіе современнаго юридическаго быта кыргызовъ п каракыргызовъ чрезвычайно важно, какъ для правильнаго устройства управленія п суда въ средѣ кочеваго населенія нашихъ среднеазиатскихъ областей, такъ равно п для науки» — сказано въ первыхъ строкахъ предисловія книги. Заявленіе знаменательное. Оно показываетъ, что у нашихъ администраторовъ явилось сознаніе о необходимости изученія быта того народа, которымъ они призваны управлять п который ввѣренъ ихъ попеченію. Надо желать, чтобы это сознаніе крѣпло п развивалось, тогда намъ не придется повторять, что прежде мы лучше понимали Азію п лучше умѣли ладить съ ея населеніемъ. Всякому понятно, что въ дѣлѣ управленія различными народами, входящими въ составъ нашей имперіи, нельзя все подгонять подъ одну норму; нельзя требовать, чтобы народъ, воспитанный другимъ, чѣмъ нашъ, условіями жизни, инымъ міровоззрѣніемъ, разомъ измѣнилъ свои понятія п свои гражданскія отношенія; съ ними приходилось мириться, хотя бы эти понятія были неправильны п въ нѣкоторыхъ случаяхъ вредны, а гражданскія отношенія по чему либо неудобны. Поэтому п былъ оставленъ кыргызамъ ихъ народный судъ по обычному праву, съ тѣмъ, конечно, предположеніемъ, что мало по малу будутъ водворяться у кыргызовъ постановленія русскаго законодательства. Мы, однако, сильно опасаемся, что это предположеніе не осуществится, п не осуществится по нашей винѣ.

При составленіи сборника юридическихъ обычаевъ кнризовъ упущена одна очень существенная цѣль. Дать правильное устройство управленія п суда въ средѣ кочеваго населенія нашихъ среднеазіатскихъ областей еще не достаточно: необходимъ строгій контроль надъ дѣйствіями біевъ. Для насъ вовсе не безразлично — рѣшаютъ ли судьи подвѣдомственные пмъ дѣла сообразно съ народными обычаями, или по личному произволу, или примѣняясь къ требованіямъ *шариата*. О контролѣ, между тѣмъ, въ книгѣ совѣтъ не упоминается, п нельзя допустить, что онъ подразумѣвается, иначе едва ли бы мы встрѣтили въ разбираемомъ трудѣ обширное приложеніе, въ одиннадцать листовъ убористой печати, заключающее выписки судебныхъ рѣшеній пзъ книгъ біевъ, волостныхъ п чрезвычайныхъ съѣздовъ Сыръ-дарьинской области. Не будемъ останавливаться на томъ, что приведенныя дѣла мало характерны, что въ нихъ не проявляются черты находчивости п особенной сообразительности судей; но по нашему разумнію подобныя выписки неумѣстны въ такой книгѣ. Читатель долженъ заключать, что эти рѣшенія предлагаются какъ образецъ п рекомендуются судьями какъ руководство при возникновеніи аналогическихъ дѣлъ; пными словами: закрѣпляются мнѣнія судей, основанныя, быть можетъ, совѣтъ не на обычаяхъ народа. Вѣдь эти рѣшенія никѣмъ не провѣрены по *адаму*, а приняты отъ біевъ на вѣру, будто такъ п должно быть, какъ они постановили. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что насъ не интересуютъ судебныя рѣшенія біевъ; напротивъ: чѣмъ больше будетъ опубликовано подобныхъ документовъ, тѣмъ лучше, но это уже другая задача. Намъ, прежде всего, важно знать, какъ *должны* рѣшаться судебные процессы по народнымъ обычаямъ, п этотъ вопросъ не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ: какъ *рѣшаются* дѣла въ дѣйствительности. Надѣмся, что насъ не обвинятъ въ придирчивости: мы стоимъ за правильность метода въ пслѣдованіи п считаемъ долгомъ предостеречь административныхъ лицъ отъ увлеченій, которыя могутъ повести къ вреднымъ послѣдствіямъ.

А контроль, п притомъ самый строгій, необходимъ. Посмотрите, какъ бѣи сочувствуютъ *шариату*! Одинъ заявляетъ: «мы рабы *шариата*, за *адама* не стоимъ»; другой называетъ *адама* поросенкомъ, конюхомъ *шариата*; высказываются сожалѣнія, что своевременно не выпросили *шариата* у русскаго правительства (стр. 23—24). И это не потому, что *шариатъ* представляетъ кодексъ болѣе опредѣленный, чѣмъ *адамы*, не потому, что *шариатъ* не знаетъ смягчающихъ вину обстоятельствъ п потому упрощаетъ разбирательство дѣла, а потому, что пмъ, *шариатомъ*, удовлетворяются мусульманскія требованія. Судъ у мусульманъ такъ тѣсно связанъ съ ихъ вѣрой, что относится къ числу дѣлъ религиозныхъ, п въ этомъ направленіи

особенно сильно агитируют мушлы у киргизовъ. Но мы достаточно уже пропагандировали мусульманство въ киргизскихъ степяхъ во вредъ себѣ, и, кажется, пора одуматься. Пора убѣдиться, что мусульманство самая враждебная христіанству религія. Усплнить исламъ очень легко, бороться же съ нимъ чрезвычайно трудно, а потому слѣдуетъ воздерживаться отъ такихъ мѣръ, которыя способствуютъ его успленію. Въ тѣхъ случаяхъ, когда *адаты* оказываются по чему-либо несостоятельными, не отвѣчающими новымъ условіямъ жизни, ихъ надо замѣнять русскими постановленіями, а не статьями *шариата*, и притомъ надо слѣдить, чтобы судья не давалъ воли своимъ симпатіямъ, навѣянными муллами.

Приемы и методы изслѣдованія въ работахъ такого рода, какъ собраніе народныхъ обычаевъ, дѣло первостепенной важности. Записывать можетъ всякій грамотный человѣкъ, но надо еще знать, *какъ* записывать, надо отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ наблюдаемомъ явленіи, надо уметь отлпчать существенное отъ второстепеннаго, коренное отъ случайнаго и заимствованнаго. Для этого нужна особенная подготовка и опытность. Мы не сомнѣваемся, что требуемая подготовка имѣется у мѣстныхъ дѣятелей Туркестанскаго края; но пріобрѣсти опытность въ семь мѣсяцевъ въ такой трудной работѣ невозможно. Здѣсь каждая ошибка, хотя бы со ссылкой на авторитетъ биевъ, введетъ въ заблужденіе и администраторовъ и ученыхъ.

Для подтвержденія нашихъ словъ сошлемся на «Сборникъ киргизскихъ обычаевъ, имѣющихъ въ ордѣ силу закона»¹⁾, составленный ориенталистомъ Осмоловскимъ²⁾ совместно съ другими членами комиссіи по изученію обычнаго права киргизовъ. Въмѣсто того, чтобы ограничиться изложеніемъ киргизскихъ обычаевъ, по которымъ творится бійи судъ, въ сборникъ этотъ вошла въ большемъ количествѣ постановленія *шариата* для пополненія пробѣловъ въ *адатахъ*, и такимъ образомъ получился мусульманскій кодексъ въ томъ видѣ, какъ онъ представлялся желательнымъ кир-

1) Въ предисловіи къ своей книгѣ Н. И. Гродековъ говоритъ: «Въ началѣ пятидесятихъ годовъ чиновникъ азіатскаго департамента и образованный ориенталистъ Бончъ-Осмоловскій, служившій въ Оренбургѣ и Перовскѣ, трудился надъ собраніемъ и разработкою свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ киргизовъ. Трудъ его, однако, не былъ изданъ и такимъ образомъ погибъ для дѣла» (стр. II). На это замѣтимъ слѣдующее: въ 1882 г. рукопись сборника Осмоловскаго была предложена г. туркестанскому генераль-губернатору для пріобрѣтенія, цѣлый годъ пролежала въ Ташкентѣ въ канцеляріи и была возвращена «по ненадобности». Странно, что изъ Ташкента же и заявляютъ объ уtratѣ для дѣла труда Осмоловскаго.

2) Это тотъ самый Осмоловскій, который, по назначеніи въ Перовскъ начальникомъ города, представилъ оренбургскому генераль-губернатору проектъ о необходимости возведенія въ Перовскѣ *второй* мечети, когда тамъ не было еще христіанской церкви.

гизскимъ мулламъ. Вотъ почему сборникъ этотъ, пропитанный мусульманскимъ духомъ, къ счастью, и не былъ изданъ въ свое время.

Обычное право, очень устойчивое въ своихъ исконныхъ основаніяхъ, въ частности легко измѣняется по отсутствію записанныхъ трактатовъ, вслѣдствіе чего открывается широкое поле толкованіямъ и личнымъ взглядамъ. Многое отошло уже въ область преданій, и въ томъ числѣ обычай кровавой мести, теперь вовсе не практикующійся. Приводимъ изъ сборника Осмоловскаго нѣкоторыя подробности этого обычая:

«Если родственники убитаго не согласятся на *кунъ*, а потребуютъ крови за кровь, или если совершившій убійство — негодяй, развратный чловѣкъ, котораго не захотятъ поддержать его родичи, тогда эти послѣдніе отдають виновнаго въ руки родственниковъ убитаго для поступленія съ нимъ по собственному ихъ произволу; виновнаго привозятъ въ аулъ родственниковъ убитаго, сажаютъ его на лучшую лошадь въ дѣломъ родѣ и дають самое лучшее оружіе, потомъ пускають его. Когда онъ отѣдетъ на значительное пространство, мстители имѣють право броситься за нимъ въ погоню; если при этой погонѣ виновный убьетъ кого нибудь изъ своихъ преслѣдователей, то это не выигнается ему въ вину, потому что ему дана полная свобода защищаться; убьютъ ли виновнаго мстители или успѣетъ онъ спастись бѣгствомъ — все равно — дѣло этимъ прекращается и никто не имѣетъ уже права снова возобновить его».

Существовали различныя отгѣпки въ наказаніяхъ, имѣвшихъ цѣлю «лишеніе добраго имени черезъ посрамленіе». У Осмоловскаго: «Вымазавъ золою лице преступника, сажаютъ на черную корову, лицомъ къ хвосту, и возятъ по аулу, или окрутивъ шею преступника веревкой и одѣвъ въ гадкую изодранную кошму, водятъ его пѣшаго изъ аула въ аулъ, заставляя провозглашать вину свою». Мазать золою или сажетъ лицо провинившагося обычай на Востокѣ очень распространенный; часто встрѣчается выраженіе: лицо его стало «чернымъ», т. е. посрамленнымъ, въ противоположность лицу бѣлому. Отсюда понятно высокое значеніе титула, пдущаго съ Востока: Бѣлый Царь.

Было бы очень жаль, если-бъ изученіе юридическаго быта киргизовъ на этомъ и остановилось. При тѣхъ средствахъ, которыя имѣются въ краѣ, вполне возможно начатое дѣло довести до конца. Есть при этомъ еще одна важная задача: объяснить, на сколько возможно, происхожденіе того или другаго явленія въ гражданскихъ отношеніяхъ киргизскаго народа, объяснить значеніе и происхожденіе разныхъ терминовъ. Говоримъ не о такихъ объясненіяхъ, которыя приведены, напримѣръ, для происхожденія родоваго начала по теоріи г. Ковалевскаго (стр. 12) — необезпеченное поло-

женіе личности, заставлявшее эту личность искать защиты и поддержки у рода, имѣло, конечно, большое значеніе, но были при этомъ и другіе факторы—; не о такихъ, какія приведены въ доказательство происхожденія *зана* въ отдаленныя времена, при чемъ буряты отнесены къ тюркамъ (стр. 20—21)—однаковость обычаевъ могла произойти отъ одинаковыхъ причинъ, такъ какъ кочевая жизнь очень однообразна, и кромѣ того надо имѣть въ виду, что покоренные народы должны были слѣдовать обычаямъ побѣдителей. У монголовъ отцовскій юртъ наследовалъ младшій сынъ — кто у кого заимствовалъ этотъ обычай: монголы отъ киргизовъ, или наоборотъ? Это такіе общіе вопросы, которые мы никакъ не рѣшимъ, занимаясь однимъ киргизамъ. Но есть другіе, болѣе доступные и не менѣе интересные, частные. Напримѣръ, почему нѣкоторыя жены называются *токаль*? У Осмоловскаго находимъ такое объясненіе: «Токаль طوقال у киргизовъ имѣетъ значеніе въ соединеніи со словомъ مال — скоть — безрогаго животнаго, какъ-то: бараны, овцы; но такъ какъ бараны и овцы, въ отношеніи къ рогатому скоту, занимаютъ второе мѣсто, то этимъ именемъ названы жены—вторая, третья и четвертая, въ отличіе отъ первой, почитаемой хозяйкою и пользующейся большимъ уваженіемъ со стороны мужа и постороннихъ. Вотъ киргизская пословица, въ которой токаль употреблено въ простомъ и переносномъ значеніи:

طوقال ایچکی موبوز مورایندیب قولاغندان آبرولغان
طوقال ننگ قری طاقیا مورایندیب طماغندان آبرولغان

т. е. «овца безрогая (токаль), добываясь роговъ, потеряла и уши, дочь второй жены (токаль), добываясь красной тюбетейки, потеряла и тамакъ (колпакъ)».

Ордынецъ, имѣющій какое либо значеніе или по своему значенію, или какъ бій, никогда не отдастъ своей дочери въ жены за женатаго человѣка, чтобы его дочь не сдѣлалась женою-токаль. Въ ссорахъ бранятъ вторыхъ женъ словами: токаль и чунакъ — безрогая и безухая».

Или, почему дѣвушка, вышедшая замужъ, называется *یسیر* — плѣнницей? Или, почему киргизъ никогда не проѣдетъ сквозь стадо барановъ, а непременно объѣдетъ его? Такія толкованія очень цѣнны и добыть ихъ можно только на мѣстѣ. Во многихъ случаяхъ обряды утратили уже смыслъ и исполняются лишь по привычкѣ; таковы обряды шаманскіе, которые такъ не нравятся біямъ, вкусившимъ мусульманства: бросать сало въ огонь (стр. 65 и 75), зажигать передъ началомъ лѣтней кочевки костры и перепрыгивать черезъ нихъ (стр. 109), п особенно въ дѣлѣ при-
слагч, такъ какъ *шариатъ* покуда еще не одолѣлъ древнихъ взглядовъ и

понятій (стр. 215 — 217). Во всѣхъ такихъ случаяхъ очень важно приводить пословицы, по которымъ можно многое уяснить. Въ книгѣ г. Гродекова такія пословицы мѣстами и приводятся, помимо 658 пословицъ, помѣщенныхъ особю, но къ сожалѣнію эти послѣднія безъ киргизскаго текста.

Въ книгѣ г. Гродекова затронуто очень много вопросовъ, на которые слѣдовало бы обратить вниманіе, но наша рецензія и безъ того растянулась, а потому мы остановимся только на одномъ: почему наша администрація старается разрушить родовое начало у киргизовъ? Неужели же она въ дѣйствительности боится власти родоправителей въ политическомъ отношеніи? неужели нѣтъ у насъ средствъ руководить этою властью и направлять ее къ добру? Родовое начало существовало и существуетъ у всѣхъ кочевниковъ, и это не случайность какая нибудь, а необходимая форма гражданскаго кочевого быта. Если родъ отвѣчаетъ за поступокъ своего члена, то чего же лучше? Родъ заинтересованъ въ благонадежности своихъ членовъ гораздо болѣе чѣмъ власть и гораздо лучше, чѣмъ власть, сумѣетъ сдерживать дурныя наклоненія отдѣльныхъ личностей. Дисциплина въ этомъ отношеніи у кочевниковъ очень строгая; тамъ пылая и буйная молодежь всегда находилась въ самомъ строгомъ подчиненіи у опытныхъ, благоразумныхъ старцевъ. Очень желательно было бы знать, какое неудобство встрѣтилось на практикѣ отъ родового устройства, неудобство фактическое, а не воображаемое только? Разрушать авторитеты не трудно, но чѣмъ ихъ замѣнить?

Въ приложенияхъ помѣщены: боевой кличъ каждаго рода, тамга¹⁾, «о мѣсѣ разныхъ животныхъ» и проч.

Не указаны опечатки. На стр. 9 напечатано: бекеретине, а должно быть: берекетине. Сююччи названо подаркомъ за *родственное* извѣстіе (стр. 173); полагаемъ, должно быть: *радостное* извѣстіе. Въ описаніи устройства киргизскаго суда по закону 1886 года встрѣчаемъ неточность: «Вѣднію народнаго суда подлежатъ: 1) всѣ дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, и проч. и 2) дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, хотя и не принадлежащихъ къ вышеисчисленнымъ, но совершенныхъ туземцами относительно русскихъ, а равно въ предѣлахъ русскихъ поселеній. *Подобнаго рода дѣла отдаются судебными установленіями на общемъ основаніи*» (стр. 201—202). «Вѣдаются судебнымъ установленіями на общемъ осно-

1) Въ Средней ордѣ есть родъ Карагирей, и замѣчательно, что тамга этого рода имѣетъ такую же форму, какъ и родовой гербъ крымскихъ Гиреевъ. См. на стр. 6, приложение № 2.

ванія» — значить судомъ русскимъ, а не туземнымъ, такъ почему же эта 2-я рубрика отнесена къ суду народному?

Во всякомъ случаѣ появленіе въ Ташкентѣ такой книги, какъ эта — фактъ весьма отрадный.

Н. Веселовскій.

122. Влад. Птицынъ. Этнографическія свѣдѣнія о тибетской медицинѣ въ Забайкальѣ. (Съ тибетскими анатомическими и хирургическими чертежами). СПб. 1890, 27 стр. 12^о (Отд. оттискъ изъ трудовъ 1-ой секціи Общества охраненія народнаго здоровья).

Г. Спичинъ во время пребыванія въ Забайкальѣ въ 1887 и 1888 годахъ познакомился съ нѣкоторыми ламами-докторами и воспользовался этимъ знакомствомъ для собранія свѣдѣній о тибетской медицинѣ, изученіе которой для нѣкоторыхъ болѣзней положительно необходимо. Въ леченіи опытъ великое дѣло, а за тибетской медициной стоить по крайней мѣрѣ тысячелѣтній опытъ.

Г. Спичинъ даетъ: списокъ основныхъ болѣзней, въ количествѣ 101-й, считаеваемыхъ у ламъ-докторовъ главными; общій списокъ 429 элементовъ тибетскихъ лекарствъ, съ тибетскимъ названіемъ и русскимъ переводомъ; перечисляетъ въ какихъ болѣзняхъ какія даются лекарства; описываетъ тибетскіе анатомическіе и хирургическіе инструменты.

Н. В.

123. Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Николая Ивановича Шишкина. Касимовъ. Типогр. Г. А. Фицперъ 1889¹⁾. III + 172 + III + I стр. 8^о.

«Кромѣ печатныхъ источниковъ», говорятъ авторъ въ предисловіи, стр. II, «мнѣ служили неизданные, такъ напримѣръ: подлинникъ писцовыхъ книгъ города Касимова, 1627 г., найденный мною у старосты Ямской Слободы Касимова, и многіе другіе, а также мною²⁾ найденныя бумаги Н. С. Гагина, имѣющія большое значеніе для исторіи Касимова».

Авторъ даетъ до стр. 121 сжатое изложеніе исторіи гор. Касимова, доведенное до новѣйшихъ временъ, п затѣмъ въ видѣ «Приложенія»,

1) Такъ на обложкѣ. На заглавномъ листѣ стоить 1888.

2) Жаль, что авторъ не оговариваетъ *какія* именно бумаги Гагина онъ нашелъ. Многія бумаги Гагина были въ рукахъ и у В. В. Вельяминова-Зернова.

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

1899.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВѢНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вис. Остр., 9 лпн., № 12.

1900.

Самарканда на 5 фарсаховъ¹⁾. Битва по наиболѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ²⁾ произошла не въ 535 г. (стр. 229), а 5-го сафара 536 (9-го сент. 1141 г.). 12-ое рамазана 771 г., день провозглашенія Тимура государемъ, соотвѣтствуетъ 9-му апрѣля 1370, а не 10-му апрѣля 1369 г. (стр. 223). Съ надписью на фронтонѣ медресе Улугъ-бека (стр. 234) согласно свидѣтельство Абд-ар-Резака Самарканди³⁾, который говоритъ о постройкѣ медресе въ разсказѣ о событіяхъ 823 г.; источникъ Абд-ар-Резака, Хадизп-Абру⁴⁾, указываетъ также мѣсяцъ окончанія постройки (мухарремъ).

Въ заключеніе можно только пожелать продолженія полезнаго изданія вообще и трудовъ В. Л. Вяткина въ частности. **В. Б.**

270. И. И. Крафтъ. Изъ Киргизской старины. Оренбургъ. 1900. 157 стр. 8°.

Эта книга представляетъ отдѣльное изданіе статей г. Крафта, помѣщенныхъ въ «Тургайской Газетѣ» и въ «Тургайскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» за 1891, 1896, 1897, 1898 и 1899 годы. Нельзя не сочувствовать приему подобныхъ перепечатокъ въ виду мимолетнаго пользованія газетнымъ матеріаломъ, скоро приходящимъ въ полное забвеніе; но въ тоже время едва ли слѣдуетъ сохранять въ особыхъ оттискахъ уже каждую печатную строчку. Думаю, что это слѣдуетъ дѣлать съ разборомъ, иначе можетъ укорениться въ обществѣ не совсѣмъ лестное мнѣніе о такомъ полезномъ дѣлѣ. Нерѣдко газетная статья имѣетъ интересъ лишь данной минуты или искусственно приплетается къ какому нибудь мѣстному событію⁵⁾, а потому не можетъ претендовать на особенное значеніе. Это замѣчаніе относится и къ трудамъ г. Крафта.

Книга его дѣлится на двѣ части; въ первой помѣщены статьи и документы историческаго содержанія, во второй — образцы киргизскаго народнаго творчества, какъ то сказки, легенды и басни, собранныя г. Крафтомъ во время частыхъ разѣздовъ его въ киргизской степи по дѣламъ службы.

Въ первой части прежде всего помѣщены: «Матеріалы къ исторіи возникновенія городовъ въ Тургайской области». Такими городами являются здѣсь Тургай и Иргизъ. Авторъ вполне справедливо замѣчаетъ, что при

1) Jacut IV, 139.

2) Ibn-el-Athir XI, 57.

3) مطلع السعدین, рукоп. Спб. Универс. № 157, л. 217b.

4) Cod. Bodl. Elliot 422, f. 341a.

5) Такъ, авторъ напечаталъ къ столѣтію кончины Императрицы Екатерины II ея указы касательно Оренбургскаго края.

выборѣ мѣста для городовъ правительство руководствовалось исключительно соображеніями государственными, главнымъ образомъ, стратегическими, мало заботясь о климатическихъ и физическихъ условіяхъ мѣстности. Оттого многіе города приходилось оставлять раньше, чѣмъ они исполнили свое назначеніе. Что касается названныхъ городовъ, то ни Тургай (Оренбургское укрѣпленіе), ни Иргизъ (Уральское укрѣпленіе) не были покинуты, они остаются и понышѣ, какъ административные пункты, но эта первая наша попытка колонизаціи киргизской степи не можетъ быть названа удачной. Не смотря на большія пожертвованія со стороны казны и попеченіе высшаго начальства края, оренбургскіе казаки, поселенные въ этихъ укрѣпленіяхъ, почти поголовно болѣли съ большимъ процентомъ смертности. Земледѣліе въ Иргизѣ не пошло, и только въ Тургаѣ мѣстами оно оказалось доступнымъ.

Далѣе слѣдуютъ: «Именные указы государыни Императрицы Екатерины II». Перепечатка этихъ указовъ, занимающихъ въ книгѣ 57 страницъ (13—70), т. е. болѣе трети ея, на нашъ взглядъ совершенно излишня. Во первыхъ, они почти всѣ помѣщены въ Сборникѣ Указовъ, и только 2 изъ 40 не вошли въ этотъ Сборникъ; во вторыхъ, кому они понадобятся, тотъ не будетъ пользоваться ими по тексту г. Крафта; въ третьихъ, одни указы, безъ изложенія общихъ правительственныхъ мѣръ и безъ выясненія мѣстныхъ обстоятельствъ, могутъ повести къ ложнымъ выводамъ и неправильнымъ толкованіямъ.

Точно также можно было бы обойтись безъ перепечатки и записки Рычкова 1767 года «О способахъ къ умноженію земледѣлія въ Оренбургской губерніи» (стр. 70—79). Записка не имѣетъ даже и историческаго значенія: это лишь мудрствованія по такому вопросу, который разрѣшается не проектами разнаго рода, не правительственными распоряженіями, а социально-экономическими требованіями, какъ напримѣръ, размноженіемъ населенія и явившимся вслѣдствіе того недостаткомъ въ пропитаніи отъ скотоводства, сокращеніемъ района для перекочевовъ, водвореніемъ спокойствія и безопасности въ степи, и т. п. Предположенія Рычкова, высказанныя въ Запискѣ, не только не осуществились, какъ не осуществились подобныя предположенія и другихъ не менѣе Рычкова свѣдущихъ лицъ и энергичныхъ администраторовъ, но факты показали, что въ данномъ случаѣ, Рычковъ ошибся жестокимъ образомъ: башкиры въ дѣлѣ земледѣлія совсѣмъ не оправдали надеждъ его, а киргизы, которыхъ онъ считалъ неспособными къ земледѣлію, все болѣе и болѣе обращаются въ сельскихъ хозяевъ.

Гораздо большее значеніе имѣетъ небольшая замѣтка автора, названная исторической справкой: «Султаны, тарханы и бия» (стр. 80—83); хотя

все, здѣсь сообщенное, извѣстно лицамъ интересовавшимся исторіею киргизскаго народа.

Статья «Вдохновенный киргизъ Мараль Курмановъ» (стр. 83—90) составлена на основаніи архивнаго дѣла объ этомъ киргизѣ 20-хъ годовъ. Едва ли и ее слѣдовало помѣщать въ отдѣльномъ оттискѣ. Это какой-то курьезъ, ничуть не характерный для киргизскаго народа и ничего не говорящій о положеніи дѣлъ въ степи.

Въ замѣткѣ «Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи» (90—94) авторъ высказываетъ опасеніе, какъ бы съ развитіемъ осѣдлости у киргизовъ не распространилось на нихъ общее положеніе о сельскомъ состояніи, съ волостнымъ судомъ и тѣлесными наказаніями. Отстаивая киргизъ отъ позора наносимаго розгой, авторъ не стоитъ, однако, за исключительность и привилегированность положенія инородцевъ передъ кореннымъ русскимъ населеніемъ, и ратуетъ вообще за полную отмѣну тѣлесныхъ наказаній, какъ отживающую форму уголовного возмездія.

Съ большимъ интересомъ читается статья г. Крафта «Уничтоженіе рабства въ киргизской степи» (94—107); но здѣсь я во многомъ, и при томъ въ самомъ существенномъ, расхожусь съ авторомъ. Прежде всего я не признаю рабства у киргизовъ, какъ особаго института, вошедшаго въ народную жизнь и вытекавшаго изъ общественныхъ потребностей. Рабства у нихъ не было: рабы являлись въ киргизской степи какъ *товаръ*. Киргизы захватывали плѣнныхъ для того только, чтобы продавать ихъ въ средне-азиатскія ханства, гдѣ на рабовъ былъ большой спросъ для полевыхъ работъ, а потому торговля рабами оказывалась чрезвычайно выгодной. Конечно, въ степи всегда находилось болѣе или менѣе значительное количество плѣнныхъ-рабовъ, такъ какъ не во всякое время можно было свезти раба на рынокъ въ Хиву или Бухару. Богатые киргизы могли оставлять у себя рабовъ для домашнихъ услугъ, но какъ исключеніе. На сколько мнѣ извѣстно, имъ очень рѣдко поручали охрану табуновъ, единственно на что нужны были рабы, предпочитая имъ своихъ же наемныхъ киргизовъ изъ бѣдняковъ, гораздо болѣе надежныхъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ рабъ, оберегая стада, всего легче могъ совершить побѣгъ, выбравъ при томъ самую лучшую и дорогую лошадь. Можетъ быть имъ поручали доить кобылъ, что считается обязанностью мужчинъ; но опять таки только у богатыхъ табунщиковъ; для общей же массы киргизскаго народа рабы совершенно излишни, такъ какъ ихъ надо кормить; а средства пропитанія у кочевниковъ такъ скудны, что всякій лишній ротъ уже въ тягость. Самы киргизы не могли обращаться въ рабовъ у киргизовъ же. Обѣдѣвшій киргизъ поступалъ въ услуженіе къ состоятельному соотечественнику для пастьбы скота, но могъ уйти во вся-

кое время, если ему являлась возможность возстановить свое распатанное хозяйство. Авторъ думаетъ, что въ рабство могъ попасть даже батырь, предводитель войска, если его не будутъ беречь, согласно пословицѣ: «неумѣющій беречь богатыря дѣлаетъ его рабомъ». Нельзя допустить, чтобы здѣсь имѣлось въ виду рабство у самихъ киргизъ, а надо разумѣть плѣнъ и рабство батыря у какого нибудь другого народа, какъ результатъ неудачной войны. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что русскія власти по недоразумѣнію считали рабство киргизовъ у киргизовъ существующимъ и принимали противъ него законодательныя мѣры; но подобныхъ недоразумѣній у насъ по отношенію къ киргизамъ было не мало. Что касается теленгутовъ, т. е. ханской челяди, то ихъ нельзя назвать рабами въ полномъ смыслѣ, къ тому же эта челядь являлась привилегіей только хановъ и на прочихъ киргизъ не распространялась. Злоупотребленія, конечно, могли быть, сильный всегда тѣснитъ слабого, да и бѣднякъ въ трудныхъ обстоятельствахъ добровольно шель въ кабалу; но все это исключенія и къ институту рабства не относится. Когда пресѣклись для киргизовъ пути къ добыванію плѣнныхъ, тогда закрылись рынки рабовъ въ среднеазиатскихъ ханствахъ, невольничество само собою прекратилось въ степи, не произведя въ ней никакого переворота, такъ какъ ничего подобнаго въ ней не было. Въ 1875 г. сдѣлалось извѣстнымъ, что у киргизовъ Акмолинской области находится 7 человекъ невольниковъ, изъ которыхъ 5 были персіяне, а происхожденіе двухъ остальныхъ осталось неизвѣстнымъ за ихъ отлучкою вмѣстѣ съ хозяевами. Всѣ они тогда же получили свободу и были причислены къ киргизскимъ волостямъ. Едва ли можно согласиться съ мыслью автора, что захватъ русскихъ плѣнныхъ киргизами начался вслѣдствіе озлобленія послѣднихъ, вызваннаго тѣмъ, что русскія власти принимали и давали пріютъ убѣгавшимъ изъ киргизскаго плѣна азіатцамъ.

Во второй части помѣщены киргизскія легенды, сказки и басня, записанныя г. Крафтомъ въ Бургинской волости. Всѣ работы такого рода несомнѣнно имѣютъ большое значеніе и это значеніе увеличилось бы еще болѣе, если бы собиратель приложилъ тексты и не ограничился бы болѣе или менѣе близкою передачею киргизскаго разсказа вмѣсто точнаго перевода. При соблюденіи этихъ условій можно было бы судить о томъ, что въ этихъ разсказахъ киргизами заимствовано, что относится къ мотивамъ обще-человѣческимъ и что составляетъ самостоятельное творчество. Но какъ бы то ни было, слѣдуетъ пожелать продолженія изысканій г. Крафта въ этой хорошо ему знакомой области.

Н. В.